

В.М. Бехтерев

**Будущее психиатрии.
Введение в патологическую
рефлексологию**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 58
В11

В.М. Бехтерев
В11 Будущее психиатрии. Введение в патологическую рефлексологию / В.М. Бехтерев – М.: Книга по Требованию, 2013. – 330 с.

ISBN 978-5-458-32814-2

Заключительный труд величайшего ученого, врача и общественного деятеля - академика Бехтерева Владимира Михайловича, публикуется впервые. В книге рассматриваются различные аспекты психической деятельности личности в норме и патологии, а также на их грани. В.М.Бехтерев особо важным считал комплексный рефлексологический подход к изучению личности. Соответственно в книге затронуты вопросы анатомо-физиологического характера, сочетательно-рефлекторной деятельности, наследственности, творчества, в том числе и в высшей форме его проявления - гениальности, а также рассматриваются иллюзии и галлюцинации. Не оставлены без внимания и проблемы социального плана.

ISBN 978-5-458-32814-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловие

«За последний десяток лет мои стремления направлены к тому, чтобы психиатрию как науку о больной личности, подобно науке о здоровой личности, вывести из-под знаков субъективизма и подобно объективному биосоциальному изучению личности (рефлексологии*) сделать и психиатрию объективным знанием. Ряд работ** в этом отношении дал возможность начертить общий план объективной, базирующейся на биосоциальном обосновании научной дисциплины, именуемой мной патологической рефлексологией. Если мне удастся завершить этот труд, подготавливаемый к печати, я буду считать свой жизненный путь предварительно законченным»***.

Так в конце 1926 г. Владимир Михайлович Бехтерев записал свои мысли по поводу публикуемого труда «Введение в патологическую рефлексологию», названного нами не без основания «Будущее психиатрии».

Непредвзятый читатель, может быть, будет недоумевать, почему же такой нужный и важный труд, пусть и страдающий от того, что не мог быть обработан автором, не печатался многие десятилетия. И не возникнет ли у него мысль, что здесь дело не в простом, хотя и недопустимом, небрежении, а что задержка в издании была результатом чьей-то активной злой воли. Ведь была же издана по рукописи без авторской корректировки, пусть в сокращенном виде, книга «Мозг и его деятельность». Психиатрия — наука особая, и тут все могло быть.

Да, пожалуй, следует затронуть вопрос о том, почему труд, которому сам Бехтерев придавал такое большое значение, не был издан на протяжении прошедших с того времени свыше 70 лет. Исчерпывающий ответ на этот вопрос, безусловно входящий в широкий круг вопросов о причинах замалчивания имени и научного наследия Бехтерева, — суть предмет особых изысканий. Предисловие — не детектив и, наверное, на этом здесь надо остановиться.

В том уже далеком 1926 г. в связи с 40-летним юбилеем профессорской и огромной и многогранной научной, врачебной и общественной деятельности В. М. Бехтерева**** было принято решение об издании полного собрания его сочинений..... Однако судьба распорядилась по-иному. Немногим более чем через год великого человека не стало. Казалось бы, по логике

* Содержание, которое В. М. Бехтерев вкладывал в термин «рефлексология», отражено в его статье «Перспективы рефлексологии человека», см. «Приложение».

** Одна из публикаций на эту тему — «Объективное исследование больной личности как основа патологической рефлексологии» — дана в «Приложении».

*** ЦГИАЛ. Фонд 2265. Оп. 1. Д. 12. Л. 413.

**** См. «Приложение», раздел «Владимир Михайлович Бехтерев как организатор».

***** ЦГИАЛ. Фонд 2265. Оп. 1. Д. 27. Л. 1—6 об.

вещей, это трагическое событие должно было привлечь дополнительные силы и средства на поиск и систематизацию опубликованных работ, а также на изучение и обработку оставшихся неопубликованными рукописей для последующего их издания. Но все пошло как раз наоборот. Решение об издании полного собрания сочинений было «положено под сукно»; заявление старшего брата ученого, Николая Михайловича Бехтерева, по поводу передачи в Рефлексологический институт по изучению мозга «оставшихся вследствие преждевременной смерти неопубликованных рукописей», среди которых находился и труд «Патологическая рефлексология»,^{*} было оставлено без внимания; в издательской работе возникли осложнения; призывы ученых к изучению научного наследия Владимира Михайловича Бехтерева уже походили на «глас вопиющего в пустыне».^{**}

Печальная метаморфоза достаточно точно характеризуется двумя редакционными сообщениями журнала «Вестник Знания», появившимися в печати с разрывом всего в несколько месяцев. В первом сказано: «Семья покойного В. М. Бехтерева передала редакции „Вестника Знания“ значительное количество законченных и незаконченных рукописей, предназначенных для журнала, а также писем и ответов читателям „Вестника Знания“». Все эти материалы имеют быть последовательно печатаемы в ближайших номерах „Вестника Знания“ в 1928 г.». Второе гласило: «Громадное количество писем с выражением соболезнований, полученных редакцией „Вестника Знания“ в начале настоящего года после смерти редактора и руководителя журнала академика В. М. Бехтерева, исключает возможность напечатания всех этих материалов на страницах скромной памятки В. М. Бехтерева в очередных номерах журнала».^{***} Вот так... А Бехтерев был не только редактором и руководителем, он был и основателем этого журнала.

Однако в 1928 г., может быть по инерции, все же из печати вышли две книги Владимира Михайловича: «Общие основы рефлексологии человека» (4-е издание с предисловием проф. А. В. Гервера по гранкам, отредактированным автором) и, как уже говорилось, «Мозг и его деятельность» (в сокращенном виде, по рукописи с анонимной вступительной статьей «От издательства»). А упоминание в изданном в том же 1928 г. третьем томе «Большой медицинской энциклопедии» о том, что подготовлена к печати книга «Патологическая рефлексология», оказалось «простой ошибкой». В некотором роде ключом к разгадке причин дальнейшего замалчивания научного наследия Бехтерева может служить упомянутая анонимная вступительная статья к научно-популярной книге «Мозг и его деятельность»: в ней научная ценность трудов В. М. Бехтерева сводилась на нет и давалась директивная установка на будущее. Например, анонимный автор заявляет, что якобы в учении Бехтерева «основной недостаток — отсутствие диалектической точки зрения на материальный процесс и типично механистическое толкование биологических и социальных явлений... Непонимание им

* ЦГИАЛ. Фонд 2265. Оп. 1. Д. 1221. Л. 6 и 14.

** Вопросы изучения и воспитания личности. 1928. № 1. С. 4 и 6.

*** Вестник Знания. 1928. № 1 и 9.

качественного своеобразия различных областей в действительности приводит к тому, что он растворяет социальное в физиологии. Такая точка зрения обрекает, конечно, Бехтерева на полное бесплодие при анализе социальных явлений». А вот еще: «Нельзя также согласиться с точкой зрения В. М. Бехтерева на природу и сущность морали. Правильно устанавливая зависимость нравственных норм от социальных условий, признавая даже классовый характер нравственности, Бехтерев вместе с тем утверждает, „что морально все то, что соответствует в наибольшей мере интересам наибольших масс населения, избегая в то же время нанесения вреда меньшинству последнего“. С такой точкой зрения можно было бы сделать вывод, что диктатура пролетариата явно антиморальна». Для такой вступительной статьи научного обоснования нет и не было, была какая-то особая причина.

Попытку издать книгу «Введение в патологическую рефлексологию» в 1936 г., к 10-летию со дня смерти Владимира Михайловича Бехтерева, предпринял младший сын, Петр Владимирович Бехтерев. К ходатайству об издании кроме оригинала рукописи была приложена машинописная копия с предварительным постраничным планом переработки материала.* Здесь следует сказать, что, очевидно, вследствие обнаруженных уже в то время определенных утрат рукописи «Патологическая рефлексология» Петр Владимирович предложил дать книге название «Введение в патологическую рефлексологию». Но тридцать седьмой год унес талантливого сына Бехтерева, и книга осталась неизданной.

Сейчас трудно судить о действительных причинах такого отношения к трудам Бехтерева. Можно только предположить, что изданию книги «Введение в патологическую рефлексологию» в то время могло помешать по меньшей мере то, что по тексту встречаются критические замечания не только в адрес В. П. Осипова, директора Института по изучению мозга, от которого во многом зависела судьба издания, но еще и в адрес самого К. Маркса!

В 1954 г., в преддверии 100-летия со дня рождения Владимира Михайловича, вместо хотя бы просмотра неопубликованных рукописей и их подготовки для выборочного издания был опубликован сборник «Избранные произведения» с вступительной статьей и примечаниями В. Н. Мясищева, профессора, директора Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева. «О вкусах не спорят», — говорят в народе, однако специалистам, безусловно, ясно, что подборка статей и докладов Бехтерева могла быть выполнена существенно лучшим образом. Могла бы..., но политическая ситуация в стране в начале 50-х годов общеизвестна. Поэтому помимо оплошностей по биографическим сведениям о Владимире Михайловиче, его ученик В. Н. Мясищев в своей вступительной статье явно политизированно обвинял Бехтерева в том, что он «не был вооружен единственно правильной методологией марксизма-ленинизма», что его определенные работы «не имеют ничего общего с диалектическим материализмом», что

* ЦГИАЛ. Фонд 2265. Оп. 1. Д. 236. Л. 1 и 2.

он «не мог встать на позиции последовательного материалистического монаизма» и т. д. и т. п.

При такой ситуации и соответствующем духу того времени отношении к научному наследию Бехтерева издание книги «Введение в патологическую рефлексологию» было попросту невозможным. Рукопись с пометками автора «Патологическая рефлексология» в разрозненном виде была сдана в архив,* а неполная машинописная копия труда, вероятно случайно, осталась в стенах Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева.

В 1957 г., т. е. в тот период, когда в СССР всяким юбилейным мероприятиям придавалось чрезмерное внимание, к 100-летию со дня рождения В. М. Бехтерева из его трудов не было ничего ни издано, ни переиздано, а резолюция юбилейной конференции, посвященной этой дате, в которой было указано на необходимость издания полного собрания сочинений Бехтерева, осталась пустой бумагой.

В заключении краткого экскурса в историю следует заметить, что проводимая политика замалчивания научной ценности наследия Владимира Михайловича Бехтерева привела к неисчислимым потерям в развитии многих важнейших направлений науки, а мир до сих пор не получил правдивого научно-исторического портрета величайшего русского ученого. Конкретный пример — судьба этой книги.

Те вехи, которые наметил Бехтерев, до сих пор остались вне науки и практики и, следовательно, настоящий заключительный труд Владимира Михайловича должен быть по праву назван «Будущее психиатрии».

Все еще покрытая тайной безвременная кончина В. М. Бехтерева неизменно продолжает быть предметом нескончаемых спекулятивных домыслов, в том числе возмутительных публикаций. Однако авторы всех этих публикаций не обратили внимания на столь явную связь замалчивания имени и научного наследия В. М. Бехтерева с его неожиданной гибелью.

Переизданные в 1991—1994 гг. некоторые труды В. М. Бехтерева по своим подборкам, вступительным статьям, комментариям и примечаниям также оставляют желать лучшего, а по ряду моментов принципиально искажают научные позиции и выводы автора.

Но вернемся, наконец, к изданию главного (из неопубликованных работ) труда В. М. Бехтерева «Введение в патологическую рефлексологию», сохранившегося, к сожалению, в несколько неполном объеме и не прошедшего соответственно авторскую доработку.**

Большое количество «критических» замечаний в адрес работ Бехтерева могло бы поставить под сомнение значение публикации данной книги, если бы не изменилось само время, позволяющее рассматривать сегодня и замалчивание, и приведенные выше критические замечания не «против», а

* ЦГИАЛ. Фонд 2265. Оп. 1. Д. 235, 237, 249, 289, 290, 337, 394 и др.

** Сравнение содержания найденного в стенах Психоневрологического института машинописного текста с упомянутым выше постраничным планом переработки рукописи, составленным в 1936 г. сыном В. М. Бехтерева, показало, что в какой-то момент прошедшего времени было утрачено более 100 страниц этого машинописного текста, среди которых находилась и заключительная глава «Принципы объективной психиатрии».

«за» В. М. Бехтерева — ученого, для которого научная истина всегда была и оставалась абсолютным приоритетом.

Предлагаемая книга озаглавлена «Введение в патологическую рефлексологию». Таким подходом и определяется содержание книги, так как автор считал, что суть многих психических явлений больного мозга может быть сведена к патологической рефлексологии личности больного. В книге рассматривается большое число проблем психической деятельности в норме и патологии, автор особое внимание уделил рефлексологическому подходу к изучению больной личности, взаимоотношению строения и функции мозга, естественнонаучным основам психозов, сочетательно-рефлекторной деятельности, значению социального фактора и, как следствие сказанного, объективному изучению больной личности, т. е. построению психиатрии преимущественно на основе объективных методов исследования.

Нельзя не обратить внимания на энциклопедичность изложения материала и использование большого числа научных источников. При этом автор с большим уважением относится к мнению других ученых, тщательно их цитирует, особенно в тех случаях, когда не согласен с их мнением.

Издание книги В. М. Бехтерева сегодня, через 70 лет после его кончины, важно по многим причинам.

Прежде всего, современный читатель должен получить возможность самостоятельно оценить сделанное Владимиром Михайловичем для построения, как он говорил, «объективной психиатрии», исключающей субъективизм при диагностике. Нетрудно заметить, что основное направление мышления В. М. Бехтерева было настолько оригинальным, перспективным и отличным от мышления некоторых современных исследователей, что идеи автора могут быть и сегодня положены в основу работы больших коллективов, работающих в современной науке о мозге.

Затем читателю предоставляется возможность проследить за эволюцией взглядов ученого от анализа прирожденных, сложноорганических и приобретенных рефлексов (через органические и сочетательные рефлексы в форме динамики становления речи) к рассмотрению процесса творчества как выражения действительных сочетательных рефлексов. Естественными при этом представляются суждения о корковых механизмах галлюцинаций, оригинальны представления о творчестве и его высшей форме — гениальности.

Итак, читатель наконец может ознакомиться с заключительным трудом В. М. Бехтерева, с мыслями нашего русского гения о путях построения объективной психиатрии, о роли рефлексологического метода, о принципах доминирования, механизмах галлюцинирования.

«Введение в патологическую рефлексологию» — действительно итоговый, многоплановый труд такого масштаба, что издание его и сейчас оказывается крупнейшим научным событием. Идеи и соображения, высказываемые в этой книге, безусловно, дадут живительный толчок многим плодотворным и новым направлениям в науке о мозге и, весьма возможно, выведут психиатрию «из-под знаков субъективизма». И не следует вводить в рукописи примечаний с молекулярно-биологической расшифровкой, об-

суждений психических болезней с генетических позиций, критиковать, казалось бы, устаревшие позиции. Соображения В. М. Бехтерева определялись тогдашним уровнем данной науки и по существу не противоречат современным знаниям.

Книга издается в серии «Классики науки», в подсерии «Памятники истории науки». В связи с этим мы сочли необходимым в основном сохранить не только язык и стиль автора, но и терминологию того времени.

Книга В. М. Бехтерева «Введение в патологическую рефлексологию» должна быть отнесена к шедеврам научного национального богатства, а ее запоздалый выход в свет следует рассматривать как позднее извинение перед памятью нашего великого соотечественника. С уверенностью можно сказать, что трудно назвать специалиста в области любой отрасли медицины, для которого этот труд В. М. Бехтерева не стал бы украшением его научной библиотеки.

Большой благодарности заслуживают сотрудники Центрального исторического государственного архива Ленинграда (С.-Петербурга), особенно Наталья Александровна Чекмарева, чье участие сыграло ключевую роль в издании настоящей книги, в чем нетрудно убедиться, вернувшись к первой странице «Предисловия».

*А. П. Бехтерев,
Н. П. Бехтерева,
Л. И. Спивак*

Краткое историческое введение

Психиатрия до сих пор была наукой субъективной, и в этом заключается причина того, что она доныне является наименее разработанной областью медицины. Несмотря на тот интерес, который, естественно, привлекал лучшие умы в течение уже около 150 лет к выяснению патологических изменений высших функций человеческого организма, несмотря на колоссальный труд видных представителей науки за этот период, начиная со знаменитого Пинеля и кончая современными психиатрами, эта область знаний все еще лишена самого главного орудия прогресса — объективного метода исследования.

Вот, например, как определяет психиатрию один из видных представителей этой науки Ганушкин: «Данные о душевнобольном слагаются, как мы только что говорили, из объективного анамнеза и субъективного статуса, т. е. статуса, основанного на беседе с больным. Конечно, совершенно необходимо обследовать обычными объективными методами самым подробным образом соматику пациента; дальше мы имеем в своем распоряжении ряд объективных, специально психиатрической клинике свойственных методов, экспериментально-психологическую методику в том или другом ее варианте, ассоциативный эксперимент, антропологические данные и измерения, различные биохимические реакции; в этом отношении психиатры дорожат самыми незначительными, самыми мелкими приобретениями клиники, имеющими объективный характер, и совершенно не хотят субъективности, но, к глубокому сожалению, имеющиеся в распоряжении психологов объективные данные сплошь и рядом или не дают никакого осязаемого результата, или очень ничтожный, при этом очень растяжимый или даже условный результат. Главным методом по-прежнему остается беседа с душевнобольным, которая, конечно, не может быть названа методом объективным. Умение беседовать с душевнобольным дается не только знанием, но и опытом и, скажу прямо, определенными психическими данными врача-исследователя, иногда даже интуицией.*

Действительно, многое зависит от умения вести такую беседу, чтобы понять психику больного. Нечего и говорить, что эта беседа направляется всегда в сторону распознавания субъективных переживаний больного и вместе с этим субъективных мотивов его поведения, а главное, в целях субъективного анализа состояния больного она требует совершенно особого искусства, мастерства. Несомненно, что врачу нужен особый такт в обращении с больными, в особенности в обращении с лично-(душев-

* Ганушкин П. Б. Психиатрия, ее задачи, объем, преподавание. М., 1924.

но)больными,* но если в связи с этим предполагается возможность исследовать психический мир больного, то ясно, в какой мере современная психиатрия как наука, изучающая больную психическую сферу, до сих пор некоторыми еще обозначаемую душой, не может похвастаться своей точностью в методике исследования. А ведь метод исследования есть тот базис, на котором строится все научное здание.

Благодаря вышеуказанному обстоятельству психиатрия является наукой, обособленной от других отделов медицины, где с субъективизмом уже во многом покончено и к нему не обращаются при объяснении болезненных состояний, тогда как психиатрия без субъективизма обойтись до сих пор не могла. Все это объясняется тем, что она от самого начала своего возникновения опиралась на психологию, науку в основе субъективную и полную еще поныне таких полиметафизических понятий, как воля, внимание и прочее. Правда, некоторые из психиатров не удовлетворялись данными психологии, стараясь опираться главнейшим образом на клинический опыт. И все же повседневный язык с обозначением разных проявлений внутреннего мира человека заставлял их пользоваться субъективной терминологией, а это, само собой разумеется, приводило к тому, что они волей-неволей подчинялись необходимости пользоваться и субъективными объяснениями болезненных состояний личности. В этом отношении крайне поучительно проследить, как шло и изменялось с течением времени развитие учения о душевных болезнях в связи с изменением взглядов на душевную деятельность человека.

Нет надобности говорить здесь устаревшем и уже отжившем философском, частью даже религиозно-метафизическом понятии о душе, которое господствовало не только в конце позапрошлого, но еще и в начале истекшего столетия и которое отразилось на первоначальном развитии психиатрии. В этот период психиатрия занималась одними душевными явлениями, имеющими как бы самодовлеющий характер, и выделяла в сущности симптоматические состояния в виде ипохондрии, липемании, маниакальной экзальтации и мании, мономании, слабоумия и т. п.

В связи с понятием о единой и нераздельной душе возникло в умах некоторых авторов и понятие о едином психозе, в котором, однако, уже сквозило понимание определенного болезненного процесса, представляющего собой последовательную смену явлений угнетения, возбуждения и слабоумия.

Гуморализм, господствовавший в других отделах медицины, мало давал почвы в то время для обоснования психиатрии, которая, таким образом, не

* Термин «лично-больной» был введен мной (В. М.) в научную литературу уже несколько лет тому назад. Этот термин соответствует обозначению самих болезненных состояний как болезней личности, ибо на самом деле ни старый термин «сумасшедший» или «помешанный», ни позднейшие термины «психический» или «душевнобольной» не могут быть признаны подходящими с точки зрения объективного знания, которое не знает существования души, а под психикой понимает исключительно субъективную сторону личности; старые же термины «сумасшедший» и «помешанный», в сущности, уже давно выведены из употребления частью по их бессодержательности, частью потому, что они благодаря вульгаризации до такой степени стали грубыми, что граничат с ругательством.

могла выйти из пеленок, будучи скованной метафизически-религиозным понятием о душе. И это направление в психиатрии еще более укреплялось под влиянием развития умозрительных учений о душе. Как трудно было вести борьбу с этим направлением, показывает длительный спор в Германии так называемой школы соматистов против «психологической» школы, признававшей допустимым систему устрашения в содержании лично-(душевно)больных.

Нужны были огромные усилия человеческого ума, чтобы выйти психиатрии из пут метафизики на иную дорогу. Первым толчком в этом отношении явилось несомненно развитие патологоанатомического направления в медицине и так называемой клеточной патологии, расцветшей под мощным влиянием Вирхова.

Ученым, который вывел психиатрию из метафизического направления и сделал попытку осветить ее с точки зрения как патологоанатомической, так и психологической, был не кто иной, как Гризингер, по словам которого, первым шагом к пониманию душевного расстройства является его локализация, т. е. выявление источника в болезненных изменениях мозга.* Продолжателями этого направления, пока еще едва намеченного, стали, с одной стороны, Вестфаль и ряд французских авторов во главе с Байлларгером, а с другой — Мейнерт, обогативший своими открытиями анатомию головного мозга, Гитциг с его первыми после Брока физиологическими указаниями на локализацию центров в мозговой коре и клиницист Шарко с не менее ценными своими работами. В связи с этим Вернике, открывший слуховой центр речи, создает свое многообещающее учение о душевных болезнях, основываясь на учении о локализациях и на патологических данных.

Сколь бы плодотворным ни казалось с самого начала это направление, однако оно не удовлетворяло многих клиницистов тем, что, указывая место и неврологический характер болезненных процессов, оставляло в стороне многие особенности в проявлениях патологического процесса и не выясняло патогенеза болезненного расстройства.

Это и привело к тому, что вышеуказанное направление уступило преобладающую роль клинико-этиологическому, основателями которого следует признать, бесспорно, Мореля, а затем Маньяна. Кроме того, выделением в особую нозологическую единицу прогрессивного паралича мы обязаны главным образом Байлергеру. Дальнейший успех этого направления был обусловлен, между прочим, выделением Кольбаумом (Kohlbaum) кататонии как особой болезненной формы и его учеником Геккером (Hecker) — гебефрении. С другой стороны, позднейшее мощное развитие бактериологии, питавшееся исследованиями ее родоначальника Пастера (Pasteur), заставило и в психиатрии выявлять существенно важные этиологические моменты, благодаря чему в ней начало укрепляться клинико-этиологическое направление. В позднейший период особенно яркими представителями этого направления являются Крепелин (Kraepelin) в Германии и Маньян (Magnan) во Франции. Крепелин к клинико-этиологическому рассмотрению болезненных форм, по

* *Grisinger W.* Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. Berlin, 1866.

которому одинаковые причины должны иметь одинаковые последствия, присоединил еще катамнестическое исследование, дающее возможность для установления рода заболевания на основании его исходных состояний и тем самым позволяющее предвидеть и исходы того или другого заболевания. Таким образом, более или менее одинаковое начало, сходственное течение и общий же исход болезненного процесса дал основание Крепелину* установить естественную нозологическую единицу в области психиатрии. Особенностью работ Крепелина является то обстоятельство, что они приобрели синтетический характер. Если до сего времени психиатры стремились установить на основании клинико-этиологического момента новые формы (кататония, гебефрения), то его работы и работы его школы с использованием катамнестических данных и исходных состояний болезни объединили в одну нозологическую единицу ранее казавшиеся разрозненными формы болезни.

С другой стороны, развитие бактериологии и эндокринологии пришло на помощь клинико-этиологическому направлению медицины, благодаря чему работы в клинико-этиологическом направлении позднейших авторов дали особенно ценные результаты установлением основной причины прогрессивного паралича в виде развития бледной спирохеты в мозгу, выяснением эндокринных заболеваний (микседема, кретинизм, базедова болезнь и др.), а также артериосклеротических заболеваний. Этому же направлению в психиатрии мы обязаны и выяснением природы так называемых психогенных заболеваний, изученных целым рядом авторов из разных стран, в том числе школой Фрейда и его последователями.

Но и клинико-этиологическое направление еще не составляет истинного пути в психиатрии, ибо известно, что одна и та же причина еще не дает одинаковых результатов в виде той или иной болезни. Так, например, бледная спирохета дает в одном случае прогрессивный паралич, а в другом — сифилитический психоз. При этом оба эти заболевания могут протекать у разных лиц далеко не одинаковым образом как в отношении характера симптомов, так и в отношении течения болезни и даже ее исходов. Одна и та же инфекция дает большое разнообразие в общей картине болезни. Мы это наблюдаем постоянно, например при тифозных процессах и тяжелых формах инфлюэнцы. Так же и хореические психозы, как показал Клейст (Kleist), дают разнообразные картины. Кроме того, экзогенные причины дают неодинаковые картины болезни. Уже Вернике указал на разнообразии алкогольных психозов (галлюцинация, белая горячка, впоследствии к ним присоединяется еще и корсаковский симптомокомплекс). Другим экзогенным факторам также соответствует разнообразие симптомов, на что обратил внимание Бонхеффер (Bonhoeffer).

Современная психиатрия выдвинула еще и момент конституции. Значение той или иной конституции обуславливается тем, что она создает почву для заболевания. Нет надобности говорить, что прирожденные особенности индивида, которые характеризуют, как говорят в этих случаях, «препсихотическую» личность, имеют особое значение в развитии психозов, причем не только в так называемых эндогенных заболеваниях, таких как пре-

* *Kraepelin. Ziele und Wege der Psychiatrie. Berlin, 1918.*